

**ОБРАЗЫ СВЯЩЕННИКОВ
В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»
И ПОВЕСТИ С.И. ГУСЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО «СТРАНА ОТЦОВ»**

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация: В статье анализируются знаковые соответствия между образом попа в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» и священника в повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов». Автор работы обращается к процессу создания образа священника Некрасовым и показывает двойственность этой фигуры, возникшую в связи с тем, что сначала поп не виделся поэту возможным народным заступником, но постепенно Некрасов в лучших своих произведениях приближался к оценке окружающего именно с позиции религиозного сознания. В итоговом тексте поэт как бы совместил два взгляда: впечатление о сытой и довольной жизни попа, высказанное мужиком Лукой, и своеобразный идеал жизни священника как духовного отца народа. Творчески осваивая находки Некрасова, его образы борцов и правдолюбцев, С.И. Гусев-Оренбургский на рубеже веков создает пример автобиографического героя, порывающего со своей средой, воплощает в художественном мире повести, но теперь уже в отношении к разным персонажам, двойственную оценку священников. Вслед за Некрасовым Гусев-Оренбургский ищет в народной среде настоящих деятелей, поступающих в соответствии с христианской этикой, не могущих обособиться от мира и не думать о счастье народном.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, С.И. Гусев-Оренбургский, священники, народная тема, революционная борьба, художественные переключки, образ сеятеля.

Для цитирования: Андреева В.Г. Образы священников в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 104–109. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-104-109>

Research Article

**THE IMAGES OF PRIESTS
IN THE EPIC POEMS “WHO IS HAPPY IN RUSSIA?” BY NIKOLAY NEKRASOV
AND “THE LAND OF THE FATHERS” BY SERGEY GUSEV-ORENBURGSKY**

Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article analyses the symbolic correspondences between the image of the priest in the epic poems “Who Is Happy in Russia?” by Nikolay Nekrasov and “The Land of the Fathers” by Sergey Gusev-Orenburgsky. The author of the work turns to the process of creating the image of the priest by Nikolay Nekrasov and shows the duality of this figure, which arose due to the fact that at first the poet used to take a dislike to the priest, but gradually Nikolay Nekrasov approached the assessment of the environment precisely from the position of religious consciousness in his best works. In the final text, the poet, as it were, combined two views: the impression of the priest’s well-fed and contented life, expressed by Luka the peasant, and the peculiar ideal of the life of a priest as the spiritual father of the people. Creatively mastering many of Nikolay Nekrasov’s finds and achievements, his images of fighters and truth-lovers, at the turn of the 19th century, Sergey Gusev-Orenburgsky created an example of an autobiographical hero breaking with his environment, embodying in the artistic world of the story, but this time in relation to different heroes, the dual assessment of Nikolay Nekrasov’s priests. Following Nikolay Nekrasov, Sergey Gusev-Orenburgsky looked for real figures among the people who acted in accordance with Christian ethics, who could not isolate themselves from the world and who thought about the happiness of the people.

Keywords: Nikolay Nekrasov, Sergey Gusev-Orenburgsky, priests, folk theme, revolutionary struggle, artistic consonances, image of sower.

For citation: Andreeva V.G. The images of priests in the epic poems “Who Is Happy in Russia?” by Nikolay Nekrasov and “The Land of the Fathers” by Sergey Gusev-Orenburgsky. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 104–109 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-104-109>

Сложно переоценить влияние, оказанное Н.А. Некрасовым на писателей демократического направления в русской литературе: речь в данном случае можно вести и о реальной поддержке Некрасовым молодых литераторов сходных убеждений, и об огромном значении его образов и идей, творчески осмысленных современниками и последователями. Тема героической борьбы с народными обидчиками и притеснителями, тема восстановления справедливости и помощи крестьянам оказались чрезвычайно актуальными не только в 1860–1870-е гг., но и на рубеже XIX–XX вв., а также в начале XX в. Некоторые мотивы Некрасова отчетливо звучат в творчестве С.И. Гусева-Оренбургского – писателя, прожившего долгую и непростую жизнь, отказавшегося от пути священника и посвятившего себя литературному труду. Воспитанный в православной семье, Гусев-Оренбургский после учебы в духовных семинариях и работы сельским учителем был в течение более чем 5 лет священником, но в 1898 г. попросил о сложении сана. После этого Гусев-Оренбургский переезжает в Москву, пишет повести и рассказы, вошедшие потом в состав его 16-ти томного собрания сочинений. В 1921 г. Гусев-Оренбургский с супругой уезжает в Харбин, а дальше – в США, где писатель прожил еще более 40 лет и скончался в 1963 г. Уже в конце XIX в. рассказы Гусева-Оренбургского становятся известны, писатель получает признание. В письме от 19 мая 1902 г. П.И. Бирюкову Л.Н. Толстой, который в течение двух последних десятилетий жизни особенно интересовался творчеством молодых писателей, отмечает, упоминая Гусева-Оренбургского: «Получил, милый друг Поша, Ваше письмо и перевод “О религии” не через Гусева, но через четвертые руки, и Гусева еще не видал, а очень желаю» [Толстой, 73: 243].

В 1904 г. в сборнике товарищества «Знание» вышло одно из самых знаменитых в свое время произведений Гусева-Оренбургского – повесть «Страна отцов», в которой отчетливо прозвучали некоторые некрасовские мотивы. Образ главного героя указанной повести, отца Ивана Гонибесова, отчасти автобиографичен: как и сам Гусев-Оренбургский, отец Иван отказывается от сана и порывает со средой священников. Однако фигура персонажа, восклицающего в финале повести: «Я решил! Твердо решил! Бесповоротно! Ухожу! Довольно!» [Гусев-Оренбургский], очень двойственна и неоднозначна. Отца Ивана можно уподобить некрасовским героям-борцам и правдолюбцам: ему скучно, не хватает деятельности; человек от земли, умеющий работать и переносить невзгоды, он жаждет активной борьбы, но, к сожалению, не понимает, что она противоречит благословенному труду, не принесет добра, а только разрушение и потерю веками хранимых народом православных ценностей.

И отказ отца Ивана от сана во имя решительной деятельности, о которой читатель повести может только догадываться, выглядит несколько по-некрасовски. «Нет сомнения, что Некрасов переживал в своей жизни сложный религиозный комплекс, основанный, с одной стороны, на любви к народу и отличном знании народных идеалов, в том числе и религиозных, а с другой – на личном (с точки зрения церкви еретическом) представлении о праведности революционного бунта и необходимости нравственной аскезы и покаяния», – отмечает В.И. Мельник [Мельник: 42].

В повести «Страна отцов» писатель показывает процесс оскудения крестьян, остающихся без земли, быстро переходящей в руки предпринимателей-хищников – купцов и новой аристократии, высшей ценностью для которой является презренный металл. У Гусева-Оренбургского, по сути дела, повторяется ситуация поэмы «Кому на Руси жить хорошо», только если Некрасов изображает тяжелое материальное положение народа в статике, Гусев-Оренбургский описывает новый временной виток и резкий, заметный переход от крестьянского достатка к обнищанию. Повесть открывается описанием богатого города и благосостояния крестьян, которые быстро сменяются картинами упадка. Причем одними из ключевых и показательных в этих описаниях становятся образы зерна, хлеба, сеятелей.

«Уездный город Житница, окруженный кольцом хлебных амбаров, где денно и ночью ссыпался и выгружался хлеб, напоминал вечную ярмарку... Грязь улиц казалась золотой грязью, так густо было в ней замешано зерно» [Гусев-Оренбургский]. Буквально на первых страницах повести появляется редактор-издатель «Старомирского листка» – народолюбец 1860-х гг., который гордится успехами народа, объединяет себя с ним: «Мы – народ землепашцев, – говорил он на одном съезде, – мы – пахари! Мы вспашем ниву мира под посев «разумного, доброго, вечного». Гусев-Оренбургский отмечает, что газета в скором времени переходит в руки купца Чугунникова, а «хлеб “мужицкий” сменился хлебом “купецким” и “арендательским”» [Гусев-Оренбургский].

П.Ф. Успенский рассматривает ситуацию, «когда аграрная образность наделяется революционными коннотациями» и «происходит вторичная семантизация: библейская метафора последовательно переосмысливается в политическом контексте» [Успенский: 134]. По мнению ученого, именно Некрасов соединил ее с социально-политическими идеологемами. Эту маркированность образа Некрасова далее в своих целях стали использовать революционеры начала XX в. П.Ф. Успенский приводит пример листовки, в которой реализуется в бунтарском плане образ сеятелей, причем «он обростает отсутствующим у поэта, но со всей очевидностью напрашивающимся финальным

элементом – жатвой» [Успенский: 135]. Внимательный анализ повести «Страна отцов» позволяет сделать вывод, что Гусев-Оренбургский иронично оценивает деятельность не только новых хозяев жизни, но и многих революционеров, идущих не от народа. А примером народного героя-борца у него оказывается мужик Назаров, владеющий даром слова и отдаленно напоминающий Гришу Добросклонова из поэмы Некрасова: «Назаров был человек страсти и пламенного красноречия, один из тех “идейных” крестьян и народных ораторов, которые будут увлекать массы с трибун будущего. Он кончил земскую школу, глубоко любил книгу, хорошую, умную беседу, много раз подвергался штрафам и арестам со стороны земского, отсидел за устройство на дому чтения для крестьян» [Гусев-Оренбургский].

Слово Назарова значительно отличается от воззваний других революционеров именно потому, что это слово знающего крестьянина. Так и Гриша Добросклонов, сам «выйдя из народной среды, выбирает обратный путь, ведущий к униженным и обиженным. Но его оружием, его инструментом на этом пути оказывается слово. Счастливым герой предстает в тот момент, когда сочиняет “песню новую”...» [Сухих: 63]. Увлеченная и искренняя революционерка Александра Порфирьевна в «Стране Отцов» рассуждает о новых временах, говорит отцу Ивану о песнях будущего. Но в авторском описании девушки наряду с оптимистичными нотами чувствуется формульность: «Мы, отбросившие предрассудки наших отцов... Мы... демократы!» [Гусев-Оренбургский]. Если вспомнить, что героиня эта дочь злостного стяжателя, то фраза про предрассудки отцов из ее уст звучит несколько иначе.

Образ жатвы у Гусева-Оренбургского закольцовывается не с деятельностью революционных активистов, а с некрасовским образом несжатой полосы, жнецами на которой становятся не революционеры-рабочие, а именно мужики. В повести есть эпизод конфликта из-за полосы земли, которая находится между владениями нового богача Широкозадова: «Полоса эта клином врезывалась в земли Широкозадова, была одною из лучших земель по округе, кроме того, она прилегала к берегу Поёмы, где было очень удобно поставить паровую мельницу» [Гусев-Оренбургский]. По мнению Гусева-Оренбургского, единственный и правильный протест, описанный в повести искренне и с глубоким смыслом, – это протест крестьянина, которого лишают земли и работы: «Мужики дали Широкозадову вспахать землю и засеять. Но когда пришла пора уборки, шумной и многочисленной толпой двинулись они под предводительством Назарова, с серпами и косами, на спорную землю и в одну ночь сжали, выкосили и вывезли хлеб. Налетело начальство, началось расследование, пошли опи-

си, обыски, аресты, возбудилось “дело о самовольной потраве”» [Гусев-Оренбургский].

Отец Иван у Гусева-Оренбургского, как и многие герои в поэме «Кому на Руси жить хорошо» изображен в постоянном движении, причем иногда оно оказывается даже слишком решительным, как, например, в сцене преследования убежавшей в город Павлинки, когда отец Иван оказывается в повозке с лошадьми, очень напоминающей птицу-тройку: «Кони птицами снялись с места, бешено вырвались за ворота и в густом облаке пыли помчали за околицу. ... Гнедой коренник широко работал ногами. Колокола захлебнулись и едва звякали под дугой от быстроты его бега. Пристяжные прыгали, как котятка. Пегая пристяжка совсем завернула голову к боку, но все рвалась вперед, возбуждаемая бегом. Тарантас подпрыгивал от каждого камешка и ямки» [Гусев-Оренбургский].

Создавая образ сельского священника, живущего среди крестьян и непосредственно занимающегося трудом на земле, а также в целом русского духовенства, Гусев-Оренбургский, по всей видимости, опирался на находки Некрасова в первой главе его поэмы «Кому на Руси жить хорошо», получившей название «Поп». Интересно, что некоторая двойственность образа некрасовского попа и вообще представления крестьян о сельском священнике отразилась в повести «Страна отцов». Но если у Некрасова эта двойственность связана с одной фигурой попа, но у Гусева-Оренбургского мы видим антитетичные образы священников.

В комментариях к поэме Некрасова отмечены факты, позволяющие говорить о том, что в процессе работы поэта образ попа претерпел ряд изменений: «В рассказе попа исключен отрывок, в котором он сетовал на упадок религиозного чувства в народе и отсутствие “рвения” к православию» [Некрасов: 621]. Некоторые ученые даже предполагают, что варианты представления образа попа у Некрасова были полярными, что поэт был готов изменить и фактически заменил отрицательную характеристику на положительную: «Если воспользоваться приемом “обратного хода”, то можно “реконструировать” первоначальный вариант главы. В ней (как очевидно) поп был без совести, не был озабочен крестьянскими нуждами, был причастен к взяткам с раскольников, сетовал на упадок религиозного чувства в народе. В подобной интерпретации образ попа выглядел сатирически-лубочным, сниженным – зловещим, лукавым, безнравственным и бесчестным [Богданова, Некрасов: 22].

Однако вряд ли стоит говорить о категоричной смене позиции Некрасова, скорее, о ее эволюции: осмыслить образ священника именно с народной позиции – было делом не лёгким. Вероятно, что сначала поп не виделся Некрасову возможным народным за-

ступником, а категоричность взгляда поэта и его уверенность в необходимости продвижения и поддержки именно героических натур не распространялась на попа – он точно не выглядел героем для поэта. Но постепенно Некрасов в лучших своих произведениях приближался к оценке образов именно с позиции религиозного сознания. В данном случае вполне вероятна ситуация, при которой поэт переоценил значение священника в жизни народа, но в итоговом тексте как бы совместил два взгляда: впечатление о сытой и довольной жизни попа, высказанное мужиком Лукой, и своеобразный идеал жизни священника как духовного отца народа.

Об этой двойственности произведений Некрасова писал Ю.В. Лебедев: «Создавая историко-героические поэмы, Некрасов действовал “от противного”»: они были своеобразным упреком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта. Впрочем, и ранее, в лирических стихотворениях на гражданские темы, Некрасов придерживался той же эстетической и этической установки. По его собственным словам, в “Памяти Добролюбова”, например, он создавал не реальный образ Добролюбова, а тот идеал, которому реальный Добролюбов, по-видимому, хотел соответствовать» [Лебедев: 62].

Оба представления о жизни священника, как бы существующие в художественном мире поэмы Некрасова, воплощаются и Гусевым-Оренбургским в «Стране отцов». Напомним отрывок из поэмы, в котором Лука представляет сытое поповское житье:

«Малина – не житье!
 Попова каша – с маслом,
 Попов пирог – с начинкою,
 Поповы щи – с сметком!
 Жена попова толстая,
 Попова дочка белая,
 Попова лошадь жирная,
 Пчела попова сытая,
 Как колокол гудет!» [Некрасов: 26].

Этот взгляд некрасовского героя во многом реализован в образах отца Матвея и отца Рудометова у Гусева-Оренбургского. Когда от отца Матвея бежит жена, по словам некоторых зевак, убежавшая с любовником, а на самом деле просто сбежавшая в город к родным, отец Матвей недоумевает, *каких удобств не хватило душе* матушки: «За что?! Чем заслужил?! Я ли не любил, я ли не холил! Все удобства предоставил... чего душа хочет? Приход – лучший в епархии... по доходности... Богатейший приход! В бархате ходила! Шляпки-то ей, бывало... Шляпки! Как в город еду... шляпку: сам знаешь... по двенадцати целковых!» [Гусев-Оренбургский]. Отец Матвей не понимает, что душа Павлиньки просит нравственного труда и душе этой не хватает не материального,

а воли в муже-священнике. Не меньшим, а еще большим стяжателем оказывается в повести Гусева-Оренбургского отец Рудометов, который беззастенчиво называет себя и себе подобных «полицейскими Бога вышнего». Гусев-Оренбургский отмечает: «При всем том Рудометов состоял крупным пайщиком акционерного предприятия по сбыту за границу джибаги и дубленых кож “Пирогович и К^о”, почему местные интеллигенты его звали: “Буржуа в рясе!”» [Гусев-Оренбургский].

Но итоговый образ священника у Некрасова, как мы уже сказали, связан именно с рассуждениями о душе, о трудном пути переживания вместе с народом всех его бед и горестей:

«Дороги наши трудные,
 Приход у нас большой.
 Болящий, умирающий,
 Рождающийся в мир
 Не избирают времени:
 В жнитво и в сенокос,
 В глухую ночь осеннюю,
 Зимой, в морозы лютые,
 И в половодье вешнее
 Иди – куда зовут!
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одни,
 Нет! всякий раз наместя,
 Переболит душа» [Некрасов: 19–20].

Именно так живет и отец Иван Гонибесов, более того, он вникает в дела и проблемы мужиков: «Если неприятность, походи к мужику-то, да поговори ладком, по душе, он тебе штаны отдаст! А что толку, ежели я с жалобой, да еще по начальству! Да он того никогда не простит и не забудет! Эка! Ты к нему же с жалобой-то, к мужику, торкнись... у него сердце боольшое, в три объёма, всем места хватит! ... Он всех кормит! Помоему, лучше мужика и человека нет! Прост, душа на ладонке... Легко с ним!» [Гусев-Оренбургский].

Гусев-Оренбургский по сути дела показывает результат оскудения веры и игнорирования религиозного сознания, о котором говорил еще Некрасов. Стоит вспомнить хотя бы сравнение Гаврилы Афанасьевича Оболта-Оболдуева, не просто уравнивающее образ Церкви и усадьбы, но превозносящее последний:

«Краса и гордость русская,
 Белели Церкви Божии
 По горкам, по холмам,
 И с ними в славе спорили
 Дворянские дома» [Некрасов: 74].

Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» описал время разрушения мифа о вседозволенности помещика, его оценки как благодетеля. Но повествуя о разрушении старых порядков, Некрасов еще не мог сделать акцента на образах новых хищников. У по-

эта поп как бы потворствует ложным представлениям помещиков о собственной избранности, вины священника тут, может, и нет, но он был прочно включен в ту систему оценки, где даже на Всеночной помещик был главным человеком и распорядителем всего.

Если ранее священники были невольны, устройством дел подчинены помещикам, то в повести Гусева-Оренбургского святые отцы сами, отказываясь от православия, ищут новых путей. И именно в такой среде отцу Ивану Гонибесову тяжело и не по себе: «Что касается православия, то поскольку оно есть человеческое учреждение, оно закаменело, и я сам ищу в нем новых путей, новых согласований с Божественной Волей...», – говорит отец Клавдий [Гусев-Оренбургский].

Исследователи творчества Некрасова проницательно отметили возможную основу первоначального образа попа у Некрасова – мнение учителя и наставника поэта – В.Г. Белинского. «Если обратиться к открытому письму Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 3(15) июля 1847 года, то обращает на себя внимание удивительное сходство». «Без дополнительных текстологических изысканий можно с уверенностью констатировать, что Некрасов при создании образа попа, несомненно, опирался на ставшее легендарным письмо Белинского – в большей мере следуя ему в первой редакции главы, но сохраняя стилистическую близость и во второй» [Богданова, Некрасов: 24]. Действительно, мнение Белинского во многом представлено в поэме, но Некрасов умело выстраивает систему соответствий. Позиция критика совпадает в повести с мнением Луки: «...Но неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно!» [Белинский]. А «вопросы Белинского» в поэме от противного задает сам поп мужикам, что и говорит о необходимости обратного восприятия: и тут торжествует не некрасовская правда народная, а христианская правда, поскольку уже не мужики спрашивают попа, как ему живется, в сами они начинают держать ответ и перед ним, и перед Богом. Не случайно после того, как священник задает мужикам ряд вопросов, воцаряется молчание, а поп смотрит на небо – автор символично напоминает нам о высшем суде:

«...А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо Божие:

Там с золотыми нитками

Развешаны мотки...» [Некрасов: 21].

Вслед за Некрасовым, изображающим священника, Гусев-Оренбургский на примере жизни отца Ивана показывает читателю, что «покой, богатство, честь» – это не те понятия, которые характеризуют бытие попа. «Теперь посмотрим, братия, / Каков попу почет?» – говорит священник крестьянам [Некрасов: 20]. «Вот оно поповское житье! Смейся, смейся! А как порассудить, нет горше одежи, как подрясник с рясой да широкополая шляпа. Сделай себе хоть посох с золотым набалдашником, а все тебе один почет...» – рассуждает отец Иван [Гусев-Оренбургский].

И злорадный крик мужиков, о котором говорит поп у Некрасова: «Кому вдогон, злорадствуя, / Кричите: го-го-го?...» [Некрасов: 21], отец Иван в повести обращает к реке: «А теперь лешего попугаем, чтобы не баловался другой раз. При смехе мужиков он обернулся к бурлящей реке и, покрывая голос бури, заорал: – О-го-го-го-го-го-го-о...» [Гусев-Оренбургский].

Гусев-Оренбургский не раз в повести подчеркивает героическую основу бытия своего персонажа, чего стоит хотя бы эпизод спасения паромом священником, без страха бросившимся в воду в шторм. Но отец Иван чуждается стачек и собраний, оказавшись как-то в городе среди революционно настроенной толпы, священник не понимает целей восставших людей. И когда студент-революционер говорит ему: «Знаете... ей-Богу! Ведь это подвиг!», отец Иван отвечает: «Ну! Тонуть разве было? Ведь у меня на пароме свои кони стояли». И тут нет никакой жажды блеснуть и героизировать (даже перед женщиной, которая ему очень дорога), отец Иван как истинный христианин готов на самопожертвование.

У Некрасова образ попа соотносится с миром народным, но не сливается с ним. У Гусева-Оренбургского отец Иван отказывается от сана именно для того, чтобы идти вперед. Рассуждая о персонаже Гусева-Оренбургского, Богданович упоминает о долгой и сложной борьбе «привитых с детства и развитых воспитанием привычек показного смирения, стяжательства и подчинения чужой воле – с здоровой, сильной и увлекающейся натурой честного и благородного человека, способного на высокий подвиг самопожертвования» [Богданович]. Критик писал об отце Иване в революционном духе, но читатель до конца не может сказать, каковы масштабы его деятельной жизни и дальнейшей борьбы, точнее, насколько они соотносятся с революционными идеями. Несмотря на финальный призыв героя, на его наблюдения за общим движением: «Все вокруг нас ищет правды, рая справедливости, страстно борются за свой идеал... А мы?! Довольно!» [Гусев-Оренбургский] читатель понимает, что в этом общем движе-

нии жажда деятельности, подвиги отца Ивана были направлены в большей степени именно на выстраивание своего собственного пути, личной жизни в новых условиях. Как и герои Некрасова, Иван Гонимцев ищет прежде всего человеческого счастья, хотя в этом поиске он действует в соответствии с христианской этикой, не может обособиться от мира и не думать о счастье народном.

Список литературы

Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю 15 июля 1847 г. // Н.В. Гоголь в русской критике. М.: Худ. лит., 1953. С. 243–252.

Богданова О.В., Некрасов С.М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №1(20). С. 20–28. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-20-28

Богданович А.И. «Петр и Алексей», роман г. Мережковского. – «Страна отцов» г. Гусева-Оренбургского. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0450oldorfo.shtml (дата обращения: 24.03.2021)

Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов. URL: http://az.lib.ru/g/guseworenburgskij_s_i/text_0020oldorfo.shtml (дата обращения: 24.03.2021).

Лебедев Ю.В. Христианские и фольклорные мотивы в поэзии Н.А. Некрасова // Вестник Костромского государственного университета. 2016. №4. С. 59–64.

Мельник В.И. К вопросу о специфике христианского сознания в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 1999. №4(8). С. 42–47.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л.: Наука, 1982. С. 599–686.

Сухих И.Н. Художественный мир Некрасова. Спор об искусстве: поэт как гражданин // Мир русского слова. 2006. №3. С. 56–64.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Успенский П.Ф. «Путем зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная тематика русской лирики // Русская литература. 2020. №2. С. 131–147.

References

Belinskii V.G. *Pis'mo N.V. Gogoliu 15 iulija 1847 g.* [Letter to N.V. Gogol on July 15, 1847]. *N.V. Gogol' v russkoi kritike* [N.V. Gogol in Russian criticism.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1953, pp. 243–252. (In Russ.)

Bogdanova O.V., Nekrasov S.M. *Tendentsiozniy duализм avtorskogo videniia (glava "Pop" v kontekste poemu N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho")* [Tenden-

tious dualism of the author's vision (chapter "Pop" in the context of N. Nekrasov's poem "Who lives well in Russia"). *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin]. 2020, №1(20), pp. 20–28. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-20-28 (In Russ.)

Bogdanovich A.I. *"Petr i Aleksei", roman g. Merezhkovskogo. "Strana ottsov" g. Guseva-Orenburgskogo* ["Peter and Alexei", a novel by Mr. Merezhkovsky. "Country of Fathers" of Gusev-Orenburgsky]. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0450oldorfo.shtml (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

Gusev-Orenburgskii S.I. *Strana ottsov* [Country of Fathers]. URL: http://az.lib.ru/g/guseworenburgskij_s_i/text_0020oldorfo.shtml (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

Lebedev Iu.V. *Khristianskie i fol'klornye motivy v poezii N.A. Nekrasova* [Christian and folklore motives in the poetry of N.A. Nekrasov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, №4, pp. 59–64. (In Russ.)

Mel'nik V.I. *K voprosu o spetsifike khristianskogo soznaniia v poeme N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho"* [On the issue of the specificity of Christian consciousness in the poem by N.A. Nekrasov "Who lives well in Russia"]. *Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University]. 1999, №4(8), pp. 42–47. (In Russ.)

Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). T. 5. Komu na Rusi zhit' khorosho* [Complete works and letters: in 15 vols. Vol. 5. "Who lives well in Russia"]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 599–686. (In Russ.)

Sukhikh I.N. *Khudozhestvennyi mir Nekrasova. Spor ob iskusstve: poet kak grazhdanin* [The artistic world of Nekrasov. Dispute about art: the poet as a citizen]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word]. 2006, №3, pp. 56–64. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Full composition of writings in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Uspenskii P.F. *"Putem zerna" kak formula revoliutsii: Khodasevich, Nekrasov, krest'ianskie poety i agrarnaia topika russkoi liriki* ["By the grain" as a formula of the revolution: Khodasevich, Nekrasov, peasant poets and the agrarian topic of Russian lyric poetry]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. 2020, №2, pp. 131–147. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 12.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.